

Научная статья
УДК 347
doi: 10.17223/22253513/45/14

Сравнительный анализ законодательных предпосылок гражданско-правовой ответственности в России и Китае

Юрий Эдуардович Монастырский¹

¹ *Московский государственный институт международных отношений,
Москва, Россия, monastyrsky@mzs.ru*

Аннотация. С применением метода сравнительного исследования описывается концепция гражданско-правовой ответственности такого громадного соседа Сибири, как Китай, и России с целью выявления достоинств национальных правовых воззрений на этот важнейший правовой институт. Делается вывод о закономерной схожести основных положений в Гражданских кодексах стран, правовая система которых относится к континентальной модели, основанной на верховенстве закона. Вместе с тем выявлены и важные различия.

Ключевые слова: возмещение убытков, ущерб, ответственность, обязательство, гражданское право

Для цитирования: Монастырский Ю.Э. Сравнительный анализ законодательных предпосылок гражданско-правовой ответственности в России и Китае // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 203–215. doi: 10.17223/22253513/45/14

Original article
doi: 10.17223/22253513/45/14

Comparative analysis of the legislative prerequisites for civil liability in Russia and China

Yuri E. Monastyrsky¹

¹ *Moscow State Institute of International Relations,
Moscow, Russian Federation, monastyrsky@mzs.ru*

Abstract. The paper compares the legislative regulation of property liability in the form of compensation for losses in the Russian Federation and in a state with the largest economy, rapid development rates, and a giant population neighboring the Siberian region of our country – China. The logic of historical evolution predetermined a detailed consideration of each other's experience in state building and the implementation of long-term development plans. In the legal field, both legal systems are based on the concept of codified law and are being improved through the adoption of normative acts. The institution of forfeit and recovery of damages for non-fulfillment of obligations, violation of subjective rights, permitted unilateral termination of an agreement in cases specially specified in the rules is contained in the civil codes of Russia and China and has significant conceptual differences. Its comparative analysis

has not been carried out in detail for the last 20 years and is the novelty of this study. Its relevance can be determined by the development and complication of economic ties in the Siberian region, which is characterized by an extensive Chinese economic presence. Inevitable disputes and peculiarities of the applicable law, in this case both Russian and foreign, create applied interest in the comparative analysis of not only legislative material, but also judicial and arbitration practice.

Knowledge of Chinese approaches is necessary not only in litigation in foreign courts, but also when a dispute is resolved on the basis of Chinese law in domestic jurisdictions or arbitration tribunals.

The degree of elaboration of this topic. The timeliness of this study is confirmed by the fact that little attention has been paid in legal science to comparing the concepts of compensation for losses in Russia and China, despite their doctrinal significance, a close connection with the notions of liability, causality, guilt and negligence of creditors. The aim of the study is to develop a theoretical model of legal regulation of relations regarding compensation for damages corresponding to the modern conditions of the market economy of the Russian Federation, which could become a methodological basis for improving the norms and practice of their application, protecting the legitimate interests of participants in these legal relations.

The subject of the analysis is the norms that directly regulate the procedure for compensation for losses in Russian and Chinese civil law, as well as materials of domestic and Chinese foreign doctrine on the legal nature of this institution.

The research is based on private scientific (special legal, comparative legal, historical) and general scientific (problem-theoretic, teleological and systemic) methods. In the process of studying and understanding specific legal issues, general logical methods were used (abstraction, analysis, synthesis, analogy, generalization, and so on).

Keywords: loss, damage, liability, obligation, civil law

For citation: Monastyrsky, Yu.E. (2022) Comparative analysis of the legislative prerequisites for civil liability in Russia and China. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 45. pp. 203–215. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/45/14

Введение

В Китае вопросы имущественной ответственности были урегулированы в новой версии Гражданского кодекса (ГК), вступившей в силу с 01.10.2017. Вместе с тем была соблюдена преемственность разработок конца 1920-х гг. В России первая часть ГК стала действовать с 01.01.1995, в марте 2015 г. был принят ряд поправок, выражающих реформу обязательственного права. Статьи, так или иначе относящиеся к возмещению убытков в Китае, содержатся в книге II. В России об убытках или возможности запросить их покрытие говорится в большом количестве статей ГК РФ и других законов. Вместе с тем четко установлена возможность затребовать сумму убытков при любом нарушении субъективных прав лицом, которому они принадлежат. У автора имеется цель сравнить две правовые концепции.

Постановка проблемы

Сравнение структуры законодательства Китая и России выявило много общего в регулировании вопросов возмещения убытков и неустойки.

Названные универсальные средства правовой защиты закономерно, постепенно, но быстро становятся главными в судебных и третейских разбирательствах. В Китае обязательственное регулирование целиком поглощает институт убытков. Любое правонарушение здесь создает обязательство. В России названное понятие – это лишь разновидность обязанности, более широкого правового явления, возникающего и вне обязательственной сферы. Регламентация возложения чужих убытков, таким образом, должна быть более подробной в общих положениях ГК РФ, а там присутствует всего одна статья – 15, состоящая из трех абзацев. В Китае ГК содержит довольно много статей, посвященных как обязательствам, так и убыткам, что открывает возможность для развития судебной практики без перестройки или дополнения законодательной основы. К теме публикации не обращался ни один автор в России. Детали освещения этих вопросов в Китае нам неизвестны, аналогичных англоязычных статей на эту тему мы не встречали.

Методология исследования

В настоящей статье использован сравнительный анализ трактовок законодательства Китая и России. Сквозным образом также применялся прием дедукции, заключающийся в выведении существенного из истинных предпосылок. Началом дедукции является аксиома или гипотезы, имеющие характер проверенных утверждений. Дедукция в настоящей работе – основное средство логического доказательства.

Обсуждение

1. *Возмещение убытков в законодательстве Китая, их правовая основа.* В ГК страны тема убытков раскрывается сразу в нескольких десятках правоположений. Кардинальным отличием законодательства России и КНР являются ключевые понятия об осуществлении прав. Статья 148 устанавливает, что никакое право не может быть реализовано при главной цели нанесения вреда другому лицу. Статья 150 ГК КНР говорит о незамедлительных действиях по предотвращению вреда. Статья 151 раскрывает понятие необходимой обороны, когда «помощь властей не может быть получена». В базовом законодательном акте КНР раскрывается понятие обязательства. Оно состоит в имущественном «предоставлении» должника и может заключаться в воздержании от действий. Далее регламентация переходит к деталям и говорится о том, что обязательство может существовать в неопределенном размере (ст. 184 ГК КНР). За просрочку в исполнении денежного обязательства китайский ГК предусматривает максимальную компенсационную ставку – 20%, в то время как российской судебной практикой выведена возможность при просрочке в отношениях займа взыскивать двойную ключевую ставку ЦБ, составляющую на момент написания статьи 4,25%. При этом возможно соглашение об ином.

В ГК КНР не декларируется, как упоминалось, принцип полного возмещения, поскольку это напрямую не вытекает из доктрины субъективных гражданских прав, столкновение которых регламентирует не столько закон, сколько суд. Отсюда важное следствие: результатом такой коллизии может выступать обоюдное нарушение, и кредитор удостоивается не всегда возложения на другую сторону стоимости несбывшихся имущественных ожиданий, а компенсации, т.е. частичного взыскания понесенных убытков. Такие последствия предусмотрены в ст. 149, 217, 218 ГК КНР. Другое отличие от регулирования в РФ заключается в понятии обязательства, которые в законодательстве КНР не определяются через «определенное действие», и основанием их возникновения не является только сделка, деликт, неосновательное обогащение, но и неправомерные действия, порождающие отношения вообще, такие как воздержание от платежа и т.д. В статье 213 при нарушении прав, состоящих в имущественных утратах, возмещаются вред и убытки. Как дополнение в ст. 1082 ГК РФ выплата стоимости реального ущерба упущенной выгоды выступает альтернативным способом защиты прав вместо возмещения вреда. Здесь, несомненно, предусматривается существенная разница. Как в Китае, так и в России главенствует принцип и приоритет натурального исполнения, принудительная реализация прав в том виде, в каком они возникли в силу разнообразных юридических фактов, включая не только действия субъектов, но и события. И еще отличия: в КНР рецептирован получивший распространение также в Европе принцип освобождения от ответственности в силу обстоятельств вне контроля должника. Однако основание ее еще более широкое, нет, например, ответственности за просрочку, если должник «за нее не отвечает» (ст. 230). В Гражданском кодексе РФ от взыскания убытков освобождаются невиновные, а вот у предпринимателей условия возложения бремени последствий строже, так как только чрезвычайные и непреодолимые обстоятельства извиняют неисполнение обязательств.

В китайском законодательстве прямо не говорится о том, что убытки за соблюдение обязательств направлены на восстановление положения в соответствии с формулой «как если бы обязательство было исполнено надлежащим образом». Размер взыскания определяется ретроспективно, его величина выводится из финансового состояния кредитора до нарушения его прав (ст. 213). Присуждение более строгое в виде «действительно понесенных убытков», а также упущенных доходов положено за некомпенсацию вреда. Убытки в законодательстве КНР пока не определяются как будущие расходы на ликвидацию последствий нарушения. Вместе с тем в ГК Китая убытки выплачиваются в силу вины или наступления обстоятельств «за которые должник отвечает» (ст. 220), или без вины, независимо от того, кем он является: коммерческой организацией, предпринимателем или простым гражданином. Однако ответственность появляется только ввиду так называемого противоправного действия и только от него. Данная юридическая категория определяется через вину, либо несоблюдение правовых предписаний, или умышленно моральных правил (ст. 184). Незаконным поведением также необходимо считать нарушение чужих

имущественных прав, даже если такой *modus operandi* разрешен. Примером может служить выход из договора подряда заказчика и несения возмещаемых убытков подрядчику. Одностороннее прерывание отношений из-за проявленной вины контрагента оказателя (ст. 489, 511, 549), потребителя возмездных услуг, агента или принципала, если оно влечет убытки, возмещается. Все это составляет отличие от регулирования в других странах. В странах нет такого другого универсального ограничителя размера ответственности, как имущественное положение должника. Этот подход применяется только после деликта, совершенного гражданином, по закону в РФ. А в КНР за легкую небрежность размер санкций всегда может быть уменьшен судом (ст. 218).

В КНР пока прослеживается подход, основанный на рассмотрении возмещения убытков как не главного, а вспомогательного или субсидиарного средства правовой защиты. Прежде всего это выражается в том, что понятие «упущенная выгода» предусмотрено при причинении вреда и нарушении договора неправомерными действиями (ст. 216), если иное не предусмотрено в законе, однако во многих случаях предусмотрено. Вместе с тем в большинстве правовых положений говорится о «компенсации за причинение». Вине кредиторов придается более радикальное значение, если она проявлена, взыскание может не состояться (ст. 217 ГК КНР). В РФ умысел кредитора позволяет только снизить сумму убытков, но не отказать в их взыскании. Важное обстоятельство – ответственность в виде несения убытков не установлена за легкую небрежность при любой просрочке кредитора (ст. 237 ГК КНР).

В Гражданском кодексе КНР термин «убытки» («ущерб») встречается более 100 раз. Как и в континентальном типе правовой системы, он находится в общих нормах (ст. 184 и т.д.), из которых явствует субсидиарность соответствующего средства правовой защиты по отношению к таким из них, как возвращение в первоначальное положение, исполнение обязательства в натуре, уплата неустойки (ст. 250 ГК КНР). Согласно ст. 227 ГК КНР, если произведено частичное исполнение обязательств, истец может просить принудительного исполнения оставшейся части и только вместе с этим возмещение убытков. Статья 220 ГК КНР устанавливает снижение ответственности за вину, если не было намерения у должника получить преимущество от правонарушения. Однако имеется многочисленное упоминание о праве на компенсацию убытков при различных составах, например, ст. 315 устанавливает, что директор, не обратившийся к процедуре банкротства, при наличии его признаков или признаков у руководимого им юридического лица подлежит взысканию убытков. За нарушение декларации о намерениях должник несет ответственность в виде убытков даже перед пострадавшим третьим лицом, кроме лишь случая его знания об оспоримости этих намерений. Эта конструкция является эквивалентом охраняемого законом интереса, за что в РФ нельзя взыскивать убытки, но можно использовать иные средства охраны прав, например оспорить чужую сделку и т.д. В Китае мы видим более радикальное решение об убыт-

ках за нереализацию намерений (ст. 91). В России лишь предусмотрено взыскание убытков при недобросовестном прерывании переговоров о заключении договора (п. 3 ст. 343.1), обмане, угрозе, кабальности (ст. 179 ГК РФ), переработке вещей (ст. 220 ГК РФ), недобросовестном владении ценными бумагами (ст. 147 ГК РФ), в иных случаях из закона. Других значительных отличий имеется некоторое количество, но это лишь доказывает, что континентальные правовые порядки КНР и РФ имеют свою национальную специфику и идут своим путем. Судебное усмотрение больших масштабов и в более широком перечне случаев предоставляет законодательство КНР.

Основным видом договорной ответственности по праву КНР и, главное, исходя из судебной практики, выступает неустойка. Установлено, что если она согласована, то в качестве диспозитивного правила она заменит все убытки, т.е. к ним нельзя обращаться (ст. 250 ГК КНР).

2. Вопросы природы гражданско-правовых убытков в РФ и обязанности по их возмещению. Нормативное различие обязательств и обязанностей зафиксировано в ст. 420 ГК РФ. Сначала устанавливается, что договор – это соглашение об обязанностях, затем в п. 3 статьи приводится фраза о том, что к обязательствам из договора применяются общие положения о них помимо специальных статей. Смысловая трактовка следующая: соглашение регулирует и обязанности, которые не обязательства и не состоят в «определенных действиях», и это в самом деле так [1. С. 14–15].

Статья 8 ГК РФ «Основания возникновения гражданских прав и обязанностей» дает следующие, например, причины: действия, события, судебные акты, создание интеллектуальных объектов, приобретение имущества. Вместе с тем в ГК заложена законодательная основа для различения упомянутых терминов. Статья 307 ГК РФ гласит: «2. *Обязательства возникают из договоров и других сделок, вследствие причинения вреда, вследствие неосновательного обогащения, а также из иных оснований, указанных в настоящем Кодексе*» [2. С. 406].

Итак, основания возникновения обязательств могут быть названы только в Кодексе и более нигде. Если телеологически толковать пункт 3 статьи, что основной их характеристикой является предполагаемое единообразное понимание сторонами сути, объема, размера, условий цели обязательств, дающей представление, как сотрудничать ради ее достижения [1. С. 14–15]. Требования об убытках в основном по этим параметрам не воспринимаются сторонами одинаково. Должник всегда либо отрицает истребуемые суммы, либо соглашается на их меньший размер [3. С. 157–174]. Они могут состоять в соответствии с действующим регулированием в будущих расходах, доходах правонарушителя, в стоимости приготовлений способны нарастать и даже уменьшаться [3. С. 30–31]. В текст ГК РФ внесено уточнение о необходимости единообразного понимания цели исполнения обязательств (п. 3 ст. 307 ГК РФ). Исходя в основном из их статичности, определенности, их понятного размера, большей надежности их погашения и сотрудничества сторон, в отсутствие которого их иногда невозможно реализовать.

Обязательство, возникшее изначально как правовой инструмент и средство осуществления имущественного удовлетворения, затем усиленное институционными способами обеспечения исполнения, таких как: залог, неустойка, поручительство, удержание, гарантия, обеспечительный платеж, теперь само стало важной коммерческой ценностью и самым главным объектом оборота в виде прав требования исполнения обязательств. В любом случае это имущественное благо, операции с которым увеличились за последние годы в сотни раз. На заре цивилизации обмен происходил путем отчуждения материальных объектов [4. С. 157]. Обязательства могут иметь любые дополнительные условия: отменительные, отлагательные и прочие (ст. 157 ГК РФ).

Убытки – стоимость нарушенного субъективного права [5. С. 216], в том числе правомерными действиями [3. С. 12–16]. Статьи 307, 1064 ГК РФ говорят о том, что нанесение вреда, совершение деликтов порождают обязательство по исправлению вреда: замене вещей, устранению дефектов, к имущественному восстановлению. Когда нарушено имущественное субъективное право [5. С. 218], нельзя сказать, что кредитор либо должник получает какую-либо ценность. Сутью возникающих отношений выступает здесь восстановление имущественного состояния, где существует только обязанность по неусугублению убытков, и отказаться от возмещения нельзя, оно только может быть снижено договором (ст. 15 ГК РФ).

В разрез с традиционными взглядами [6. С. 225] размежевание обязательств и убытков оказалось неизбежным и заданным логикой регулирования в свете необходимости доказывать размер права требования. Установление стоимости обязательства не так часто сопровождается разногласиями. «Определенное действие», которое составляет суть обязательства по ст. 307 ГК РФ, предполагает единство в понимании его идеальных характеристик. На базе возможного различия и претензии в ненадлежащем исполнении и появляется спор об убытках и другое почти всегда дискуссионное требование. Его существование, природу, структуру, содержание нужно доказывать. С экономической точки зрения это не могло не сообщить разный режим этим правам. Одни из них должны быть пущены в свободное плавание и усилены страхующими механизмами встречного исполнения, способами обеспечения, более облегченным оборотом. Это выражается в понятии будущих требований, отсутствии дополнительных формальностей по передаче и т.п.

Другие требования об убытках не могут быть тождественны уже потому, что они возникают из односторонних представлений об их стоимости, правомерности, законности, надлежащих собственных мерах по их уменьшению. Безраздельное задействование способов обеспечения здесь невозможно по той причине, что часто будет возникать вопрос об их правовом существовании из-за имманентным им свойствам акцессорности [7. С. 244] (п. 4 ст. 329 ГК РФ). Вместе с тем там, где неисполнение обязательства односторонне трансформируется в возложение убытков, обеспечивающие инструменты необходимы. Желательны корректировки в гл. 23 ГК РФ о

том, что к требованиям об убытках применимы обязательственные механизмы поддержки и обеспечения, в той мере, в которой они соответствуют существу требования.

Обещания оказывать содействие, осуществлять информирование, использовать конкретный электронный адрес для переписки – это вспомогательные обязанности, лишенные имущественного содержания. Они не выражают обязательство. Их игнорирование может заключаться в вине и небрежности общего порядка, принудительное исполнение по суду здесь не происходит.

Судебной практике не удалось пока прийти к единообразному мнению о том, что требование об убытках не является обязательственным, и ст. 328 ГК РФ к таким правоотношениям неприменима. Вместе с тем, как мы знаем, некоторые из российских ведущих правоведов вполне уверенно говорят о том, что нарушение договора порождает именно обязательство, правовой режим которого определяется разделом III Гражданского кодекса [8. С. 34]. И умозрительно это, возможно, так и есть, поскольку, как мы знаем, требования об исполнении обязательств могут переходить в силу суброгации к страховщику и т.д.

Известные юристы XIX в., такие как Василий Иванович Синайский [6. С. 225], Иосиф Алексеевич Покровский [9. С. 353], Константин Петрович Победоносцев [10. С. 103], писали о возникновении именно обязательств «вознаградить за вред и убытки». Известный советский цивилист Михаил Михайлович Агарков говорил о том, что требование возмещения убытка является обязательственным [1. С. 24–25].

Полагаем, что это было верно при той нормативной базе, которая существовала в советское время. Теперь же, особенно после 8 марта 2015 г., регулирование обязательств в значительной степени детализировано, и не все нормы могут распространяться на требование возмещения убытков.

Рассмотрим применимость положений гл. 22 ГК РФ к требованиям о возмещении убытков. Новая ст. 310 ГК РФ теперь позволяет обусловить заранее отказ от исполнения обязательств коммерческой структуры. Если ст. 310 ГК РФ будет распространять свое действие на убытки, то это означает отказ от права, легитимизацию возможности заранее выговорить уход от ответственности даже за грубую неосторожность (что не совместимо с п. 4 ст. 401: ГК РФ освобождение за умысел запрещает), что будет подрывать институт убытков и означать утрату его роли.

Статья 311 ГК РФ говорит о том, что кредитор вправе не принимать исполнение обязательств по частям, т.е. любое разногласие о сумме всех убытков дает повод не принимать исполнение и усугублять просрочку. «Кредитор вправе не акцептовать исполнения обязательства по частям, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами, условиями обязательства и не вытекает из обычаев или существа обязательства» и может отвергаться в полной мере.

Если требования возмещения убытков составляют обязательство, то оно финансовое. Уместно также отметить следующее: в ст. 313 ГК РФ гово-

рится о том, что погашение денежного обязательства третьим лицом означает суброгацию и способно породить хаос среди дел о возмещении убытков, так как легитимизирует появление третьего лица, которое уплатило убытки в полной сумме и начинает требовать эту же величину с должника [11. С. 150–160]. В отличие от договорной уступки, где условием является значительная скидка от номинала требования, здесь размер и конфигурация притязания сохраняются, но его, как правило, спорный характер лишает эту операцию экономического смысла и легко побуждает к злоупотреблениям, произволу сильной стороны [11. С. 150–160].

Должник вправе исполнить обязательство ранее его созревания, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или условиями обязательства либо не вытекает из его существа. Однако досрочное исполнение обязательств, связанных с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, допускается только в случаях, когда возможность исполнить обязательство до срока предусмотрена законом, иными правовыми актами или условиями обязательства либо вытекает из обычаев или существа обязательства (ст. 315 ГК РФ). Таким образом, притязание на вменение убытков, если будет основываться на упомянутой статье без напоминания об исполнении, вообще может не приниматься кредитором. За исключением процессуальной претензии, предшествующей подаче иска в арбитражных судах, никогда не посылается уведомление о погашении возникающих убытков, и тогда не начинает течь исковая давность. Это означает, что таковые претензии становятся вечными, что вряд ли имелось в виду законодателем (п. 2 ст. 314 ГК РФ). Отсюда видно, что данная норма об исполнении обязательств к присуждению убытков не применима.

Однако более всего неприложимость обязательственного регулирования к обстоятельствам убытков явствует из ст. 328 ГК РФ, которая устанавливает: *«...при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что... исполнение не будет произведено в установленный срок, сторона, на которой лежит встречное исполнение, вправе... отказаться от исполнения этого обязательства и потребовать возмещения убытков»*.

Предположим, в договор внесена запись о том, что исполнение по нему обладает свойством встречности по отношению к устранению последствий убытков. Тогда любая односторонняя оценка и претензия о компенсации ущерба способны разрушить принцип *pacta sunt servanda*, фундаментальный для правовой системы континентального типа.

Каким образом в деле об убытках можно опереться на гл. 23 ГК РФ «Способы обеспечения исполнения обязательств»? Мы видим, что, скорее всего (а мы говорим «скорее всего», потому что окончательных разъяснений высшей судебной инстанции или уточнений в Гражданском кодексе РФ пока не имеется), она также трудно применима. Основными способами являются: неустойка, залог, удержание, поручительство, задаток, гарантия, обеспечительный платеж.

Применим ли к требованию о возмещении убытков залог? Очевидно, нет, потому что существенным условием договора здесь является величина

обеспечиваемого обязательства (ст. 339 ГК РФ). Размер убытков подвижен, динамичен, не определим соглашением сторон, а имеет оценочную природу [8. С. 34].

Задаток и обеспечительный платеж трудно привязать по этим же соображениям к требованиям об убытках. Таким образом, мы видим, что несмотря на предпринятые усилия реформы обязательственного права, соотношения ответственности, главным видом которой является возмещение убытков, и обязательств требует определенности. Их отождествлять в современных реалиях более сложного имущественного оборота бессмысленно и неразумно.

Такое средство обеспечения правовой защиты, как удержание, аналогично не сочетаемо с требованиями об убытках. Согласно абз. 2 п. 1 ст. 359 ГК РФ, предприниматели вправе удерживать вещь, подлежащую передаче как обеспечение требований, возникших из обязательств, даже не связанных с держанием вещи. Если бы они (обязательства) также обнимали правовую категорию убытков, то тем самым возникла бы почва для произвола, когда любое поверхностное восприятие о текущих потерях дает основание удерживать материальное имущество.

Статья 416 ГК РФ «Прекращение обязательства невозможностью исполнения» неприменима, деньги как всеобщий эквивалент платить не представляется невозможным, так как посредством кредита, продажи имущества и т.д. средства всегда можно аккумулировать и совершить перевод для компенсации убытков контрагента или кредитора.

Смерть должника не прекращает требование об убытках, которое переходит по наследству. Имущество, передаваемое в порядке правопреемства, включает обязанности, а не обязательства, возникающие не только из сделок, причинения вреда, неосновательного обогащения, но и по другим основаниям, в том числе в силу возникновения убытков. Это бремя несут правопреемники в наследственных долях. Решая задачу определения соотношения понятия «обязанность» и «обязательство», мы наблюдаем действие закономерной дифференциации регулирования по мере усложнения имущественного оборота, когда возникает необходимость дать нормативную базу деталям, новым массовым проявлениям и значимым для сторон важным правовым категориям.

Заключение

Российская и китайская концепция возмещаемых гражданско-правовых убытков опирается на фундамент их правовых систем континентального типа, принципы «святости» договора [12. С. 231], принудительного исполнения обязательств, экстраполяции такого регулирования на область ответственности. В России это находит выражение в том, что убытки из-за неисполнения обязательств привлекают более детальное регулирование, выражающееся в большем количестве статей, наличии именно там института вины кредитора, соразмерности ответственности допущенному нарушению, раскрытие понятия вины, отличного от уголовно-правового его

понимания. В Китайской Народной Республике вместо обязательств и наряду с ними получила распространение категория «осуществление прав», перенос акцента не на обязанную сторону, а на их носителя, нарушение которых должно влечь в первую очередь частичное присуждение, и не только по причине вины кредитора, но и потому что в более широком плане трактуются противостоящие либо взаимодействующие друг с другом субъективные права. Некоторые законодательные решения в КНР представляются более удачными, например запрет заблаговременного освобождения от ответственности в силу грубой небрежности (ст. 222 ГК КНР) или присуждение расходов за ликвидацию последствий, усугубляющих убытки от действий кредиторов (ст. 240 ГК КНР). В России он распространяется на невозможность исключить ответственность за умысел только (п. 4 ст. 401 ГК РФ). Вместе с тем логика законодательного развития закономерно приводит к необходимости большей универсализации и сочетаемости института возмещения убытков, перевода его в первые роли из вторых. Отсюда обмен законодательным опытом двух стран выглядит в этой связи далеко не бесполезным.

Законодательство КНР дает больший простор судейскому усмотрению, чем в РФ, в вопросах ответственности. Здесь шире основания привлечения к ней, больше самостоятельных условий по ее снижению и устранению. Как упоминалось, убытки взыскиваются за нарушение субъективных прав, но также и за несоблюдение моральных правил. Как для граждан, так и коммерсантов ответственность наступает при проявленной вине, обстоятельстве, за которое должник отвечает. Вместе с тем больше поводов устранить ответственность: вина кредитора, обязательства, за которые должник не отвечает, хотя и действовал виновно. Ответственность снижается судом по причине финансового состояния должника кем бы он ни был и за любое возникновение убытков, если вина проявлена в легкой форме. Но необходимым условием санкций является неправомерное действие, и нет оговорки о случаях законного поведения как причины убытков. В России необходимой предпосылкой выступает «нарушение права» (ст. 15 ГК РФ), поэтому иногда компенсируемые убытки, как и вред, возникают ввиду правомерного отказа от договоров, поручения, оказания возмездных услуг, подряда. В КНР таких конструкций ГК не предусматривает, и лишь применительно к подряду отказавшийся заказчик несет убытки (ст. 511 ГК КНР).

Структура ВВП в постиндустриальном обществе характеризуется 60–80%-й долей услуг, отсюда нетрудно понять и реальное значение института убытков, его восстановительной функции, шагающей и за пределы привычного алгоритма по наложению имущественных санкций, так как восстановление состояния в массовом объеме может происходить без вины и противоправности должника.

В КНР имеются правоположения против чрезмерной ответственности, 20% – это предел взыскания за просрочку денежного обязательства, нельзя устанавливать процент на невыплаченные проценты и т.д. При разной трактовке о величине истребуемого применяется всегда меньшая сумма

(ст. 5 ГК КНР). Упущенная выгода взыскивается не универсально, а именно субсидиарно только при игнорировании исполнения обязательства по компенсации вреда, и то если иное не установлено в законе (ст. 216 ГК КНР). Для КНР видится целесообразным переход к принципу полного возмещения всех убытков, использование категории «будущие расходы» для восстановления положения лица, права которого нарушены. Для РФ требуется перенос в общую часть ГК всего детального регулирования взыскания убытков, что способствовало бы более развернутому задействованию данного средства правовой защиты.

Обсуждаемые вопросы являются интересными, злободневными и заслуживают тщательной проработки и обсуждения. Дальнейшее совершенствование нормативной основы взыскания убытков должно идти по пути более подробной регламентации того, какие понятия обязательственного права действуют при рассмотрении требования об убытках. Нормы раздела III ГК РФ могут применяться отсылочно, на что необходимо сделать указание в кодексе, например, как это было записано в п. 3 ст. 307.1 ГК РФ о том, что общие положения об обязательствах применяется к корпоративным правоотношениям, а также к последствиям признания сделки недействительной.

Список источников

1. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 14–15.
2. Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. Wien : Jan Sramek Verlag, 2012. 406 p.
3. Садиков О.Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М., 2009. 266 с.
4. Новицкий И.Б. Римское право. 4-е изд., стер. М., 2020. С. 157.
5. Мейер Д.И. Русское гражданское право : в 2 ч. Ч. 1. М., 1997. 218 с.
6. Синайский В.И. Русское гражданское право. Выпуск II. Обязательственное, семейное и наследственное право. Киев : Тип. Р.К. Лубковского, 1915. 225 с.
7. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательствах. М. : Юрид. лит., 1950. 244 с.
8. Тирская Е.В. Обязательство по возмещению убытков как денежный долг, возникающий из нарушения гражданско-правового обязательства // Судебно-арбитражная практика Московского региона. Вопросы правоприменения. 2003. № 1–2. С. 34.
9. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. 353 с.
10. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Третья часть. Договоры и обязательства. СПб., 1896. 103 с.
11. Егоров А.В. Платеж третьего лица кредитору помимо его воли // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 8. С. 150–160.
12. Sebok A.J. Punitive Damages in the United States // Punitive Damages: Common Law and Civil Law Perspectives (Tort and Insurance Law. Vol. 25). Springer, 2009. 159 p.

References

1. Agarkov, M.M. (1940) *Obyazatel'stvo po sovetскому grazhdanskomu pravu* [Obligation under Soviet Civil Law]. Moscow: NKJU USSR. pp. 14–15.
2. Koziol, H. (2012) *Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective*. Wien: Jan Sramek Verlag.

3. Sadikov, O.N. (2009) *Ubytki v grazhdanskom prave Rossiyskoy Federatsii* [Losses in the Civil Law of the Russian Federation]. Moscow: Statut.
4. Novitskiy, I.B. (2020) *Rimskoe pravo* [Roman Law]. 4th ed. Moscow: Zertsalo-M. pp. 157.
5. Meyer, D.I. (1997) *Russkoe grazhdanskoe pravo: v 2 ch.* [Russian civil law: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Statut.
6. Sinayskiy, V.I. (1915) *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]. Vol. 2. Kiev: R.K. Lubkovsky.
7. Novitskiy, I.B. & Lunts, L.A. (1950) *Obshchee uchenie ob obyazatel'stvakh* [The General Doctrine of Obligations]. Moscow: Yurid. lit.
8. Tirskeya, E.V. (2003) Obyazatel'stvo po vozmeshcheniyu ubytkov kak denezhnyy dolg, voznikayushchiy iz narusheniya grazhdansko-pravovogo obyazatel'stva [The obligation to indemnify damages as a monetary debt arising from a violation of a civil obligation]. *Sudebno-arbitrazhnaya praktika Moskovskogo regiona. Voprosy pravoprimeneniya*. 1–2. pp. 34.
9. Pokrovskiy, I.A. (1998) *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The Main Problems of Civil Law]. Moscow: Statut.
10. Pobedonostsev, K.P. (1896) *Kurs grazhdanskogo prava* [Civil Law]. Part 3. St. Petersburg: [s.n.].
11. Egorov, A.V. (2016) Platezh tret'ego litsa kreditoru pomimo ego voli [Payment of a third party to a creditor against his/her will]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 8. pp. 150–160.
12. Sebok, A.J. (2009) Punitive Damages in the United States. In: Koziol, H. & Wilcox, V. (eds) *Punitive Damages: Common Law and Civil Law Perspectives*. Springer.

Информация об авторе:

Монастырский Ю.Э. — кандидат юридических наук, доцент Московского государственного института международных отношений (Москва, Россия). E-mail: monastyrsky@mzs.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yu.E. Monastyrsky, Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russian Federation). E-mail: monastyrsky@mzs.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.02.2021;
одобрена после рецензирования 21.06.2022; принята к публикации 22.08.2022.*

*The article was submitted 03.02.2021;
approved after reviewing 21.06.2022; accepted for publication 22.08.2022.*